

ЭХО КТУЛХУ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

LOVEROME Ко

Эхо Ктулху - Книга Первая

<https://litres.ru/74459114>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Эхо Ктулху» — мрачный мистико-фантастический роман об Эльрома его терзаниях в поиске затонувшем городе, древней цивилизации, человеческой одержимости и попытке услышать то, что веками принимали за безумие.

Содержание

Пролог	4
УЛОВ	4
Глава 1	36
ЦЕНА РЕЙСА	36
Конец ознакомительного фрагмента.	106

LOVEROME и Ко

Эхо Ктулху - Книга Первая

Пролог

УЛОВ

К утру море стало почти неподвижным.

Ночью траулер несколько часов шёл против короткой тяжёлой волны. Вода с равными промежутками ударяла в борт, и старый корпус отвечал глубоким металлическим стоном. Сначала этот звук раздражал, потом перестал замечаться — стал таким же привычным, как гул двигателя, скрип снастей и удары плохо закреплённого железа где-то внизу.

Ближе к рассвету ветер ослаб.

Волна ушла.

Когда серое утро окончательно отделилось от ночи, поверхность моря разгладилась и потемнела.

Глен заметил это не сразу.

Он стоял в рубке, положив ладонь на край приборной панели, и привычно переводил взгляд с приборов на воду за стеклом.

Район был ему знаком.

Не настолько, чтобы знать каждую подводную скалу и каждый перепад глубины, — такого здесь не знал никто, — но достаточно хорошо, чтобы понимать, когда ещё имеет смысл сделать один проход, а когда надежда на улов начинает стоять дороже самого улова.

Первый проход оказался плохим.

Второй — почти пустым.

Третий пока не обещал ничего лучшего.

Глен мысленно пересчитал топливо.

Ещё один проход они могли себе позволить.

Два — уже вопрос.

Обычно после тяжёлой ночи спокойное море радовало. Работать легче, людей меньше мотает по палубе, снасти проще выбирать.

Сегодня ровная вода почему-то не успокаивала.

Ничего необычного в ней не было. За кормой всё так же тянулась белёсая полоса пены, слабая зыбь едва заметно поднимала корпус, вдали серело низкое небо.

Только кормовой след исчезал слишком быстро.

Глен пару раз посмотрел назад.

Белая полоса возникала за винтом, растягивалась на несколько десятков метров и распадалась, словно тёмная вода торопилась сомкнуться за судном.

Течение.

Слабый боковой ветер.

Усталость.

Он нашёл объяснение и вернулся к приборам.

На море нельзя слишком доверять ощущениям после нескольких бессонных суток. Глен знал это давно. Человек начинал видеть свет там, где не было берега, слышать голос в гуле двигателя, принимать кусок тумана за другое судно.

Мозг не любил пустоту.

Он заполнял её сам.

— Натяжение растёт, — сказал матрос за спиной.

Глен посмотрел на показания.

Стрелка медленно ползла вверх.

Не резко.

Не настолько, чтобы беспокоиться.

— Дно цепляет?

Матрос пожал плечами.

— Может быть. Или камень взяли.

Глен снова посмотрел наружу.

Трал шёл далеко за кормой, скрытый толщей воды.

Люди наверху не видели, что происходило там. Они чувствовали сеть через натяжение тросов, работу лебёдок и цифры на экранах.

За годы Глен привык к этому настолько, что почти перестал задумываться.

Они опускали сеть туда, куда не могли заглянуть.

Тащили её по земле, которой никогда не видели.

А потом поднимали наверх всё, что случайно оказывалось на её пути.

Стрелка поднялась ещё немного.

Замерла.

— Идём дальше.

Матрос кивнул.

Если выбирать снасть каждый раз, когда она цепляла камень, можно было сразу возвращаться домой.

Траулер продолжил движение.

Через несколько секунд Глен почувствовал под ладонью слабую дрожь.

Не обычную мелкую вибрацию двигателя, к которой тело привыкает настолько, что перестаёт её замечать, а нечто иное — более медленное, почти мягкое, словно импульс приходил не из машинного отделения, а проходил сквозь корпус снизу, из тех глубин, где металл соприкасается с водой, а вода — с тем, что лежит под нею.

Глен нахмурился.

Сильнее прижал ладонь к панели.

Дрожь исчезла.

Он подождал.

Ничего.

Только двигатель.

Скрип переборки.

Тихое постукивание чего-то металлического в шкафу.

Глен убрал руку.

— Показалось.

— Что? — переспросил матрос.

— Ничего.

Почти сразу снаружи кто-то крикнул.

Не испуганно.

Скорее удивлённо.

Глен повернул голову и через боковое стекло увидел чайк.

Ещё недавно несколько птиц лениво держались над кормой, привычно сопровождая траулер в ожидании лёгкой добычи.

Теперь они уходили.

Все.

Не кружили над водой.

Не спорили.

Не возвращались к корме.

Белые точки одна за другой тянулись в сторону, словно над морем появилась невидимая граница и птицы почему-то знали о ней раньше людей.

— Погода меняется? — спросил матрос.

Глен посмотрел на небо.

То же серое облачное полотно.

— Может быть.

Он уже собирался вернуться к приборам, когда поверхность справа от судна дрогнула.

Глен решил, что прошла волна.

Но ветра почти не было.

На тёмной воде возникли мелкие круги.

Сначала несколько.

Потом десятки.

Один рядом с другим.

Они появлялись почти одновременно, будто вода на большом участке на мгновение получила один и тот же слабый толчок снизу.

Круги расширились.

Наложились друг на друга.

Исчезли.

— Это что было?

Глен продолжал смотреть.

— Косяк.

— Рыба?

— А кто ещё?

Матрос подошёл ближе к стеклу.

— Не знаю.

Глен повернулся к нему.

В обычный день такой ответ показался бы глупым.

Сегодня он почему-то раздражал.

— Следи за снастью.

Матрос отошёл.

Глен ещё несколько секунд смотрел туда, где исчезли круги.

Вода снова была ровной.

Как будто ничего не произошло.

Внизу, где дневной свет давно переставал существовать,

металлическая часть трала двигалась по дну.

Сеть тянула за собой камни, ил и обрывки водорослей.

Плоский предмет вошёл в неё почти ребром.

Его сдвинуло.

Перевернуло.

Несколько метров протащило по камням.

Затем натяжение изменилось, и один из тяжёлых металлических элементов снасти медленно прошёл по поверхности находки.

Не ударил.

Не царапнул.

Именно прошёл.

Под нагрузкой.

Возникло колебание.

Оно было настолько слабым, что человеческое ухо, окажись человек рядом, вероятно, ничего бы не услышало; однако вода приняла его иначе — без сопротивления, без различного начала и конца, позволив дрожи разойтись во все стороны через холодную толщу, как расходится круг по поверхности, только здесь не было поверхности, не было воздуха и не существовало той привычной границы, за которой звук обычно перестаёт принадлежать человеку.

Через несколько секунд металл снова сдвинулся.

Колебание повторилось.

В нескольких десятках метров от трала косяк рыбы изменил направление.

Не рванулся вверх.

Не рассыпался.

Просто повернул.

Сразу весь.

Ещё дальше другой косяк сделал то же самое.

Потом третий.

Не было паники.

Только движение прочь.

Вокруг трала становилось пусто.

А люди наверху всё ещё ждали улова.

Через сорок минут Глен приказал выбирать снасть.

Лебёдка загудела.

Трос натянулся.

На палубе задвигались люди.

До этого можно было сколько угодно обсуждать температуру воды, направление течения или неудачный курс, но окончательный ответ всегда давала сеть.

Сегодня она шла тяжело.

Один из матросов посмотрел за борт.

— Может, набрали чего.

— Лишь бы не камней, — ответил другой.

Глен ничего не сказал.

После двух плохих проходов ему хотелось верить, что трал действительно полон.

Лебёдка продолжала выбирать трос.

Глен подошёл к корме.

Вода под судном была почти чёрной.

Из глубины медленно поднималась сеть.

И только тогда он заметил, что вокруг неё нет привычного движения.

Ни мелкой рыбы.

Ни вспышек чешуи.

Ни птиц над водой.

Ничего.

Трал появился под поверхностью как тяжёлая бесформенная тень.

Глен машинально наклонился к борту.

И ему показалось, что ниже находится ещё одна.

Гораздо глубже.

Гораздо больше.

Она не двигалась вместе с сетью и не походила ни на косяк, ни на скалу, ни на тень самого судна; несколько мгновений она просто существовала там, под тралом, лишённая чётких границ и потому казавшаяся ещё большей, чем могла быть на самом деле, — пятно более тёмной черноты внутри уже тёмной воды.

Поверхность качнулась.

Тень исчезла.

— Капитан?

Глен моргнул.

— Что?

— Подходит.

— Вижу.

Он заставил себя отвернуться от воды.

Сеть вышла наружу.

С неё ручьями стекала грязная вода.

По тому, как тяжело провисал трал, было ясно: внутри что-то есть.

— Вот теперь нормально, — сказал кто-то.

Замки открыли.

Содержимое рухнуло на палубу.

Раздался тяжёлый влажный удар.

Камни.

Комья серого ила.

Водоросли.

Раковины.

Какой-то плоский массивный предмет.

И всё.

Рыбы не было.

Вообще.

Несколько секунд никто не говорил.

Один из матросов перевернул сапогом комок водорослей.

Другой заглянул в складки сети.

— Это всё?

Глен подошёл ближе.

Посмотрел на трал.

На палубу.

На море.

— Проверьте ещё раз.

— Там пусто.

— Я вижу.

Получилось резче, чем он хотел.

Люди замолчали.

Глен уже считал.

Топливо.

Лёд.

Оплата экипажа.

Провизия.

Портовые сборы.

Сколько будет стоить ещё один проход.

Обычные цифры.

Понятные вещи.

За них можно было держаться.

Деньги хотя бы подчинялись законам.

— Капитан.

Он обернулся.

Один из матросов сидел на корточках возле плоского предмета.

Часть грязи с него уже смыло водой.

— Посмотри.

Глен подошёл.

Предмет напоминал толстую настенную плиту.

Примерно такого размера, чтобы один человек мог обхва-

тить её руками, но поднять оказалось бы уже непросто.

Один угол был отбит.

Цвет определить не получалось.

Тёмно-зелёный.

Серый.

Почти чёрный.

То ли камень, то ли металл, пролежавший под водой очень долго.

Если металл — странный.

На нём не было ржавчины.

Почти не было привычной коррозии.

Поверхность сохранилась слишком хорошо.

Глен присел.

Протянул руку.

И остановился.

Всего на мгновение.

Он сам не понял почему.

Потом коснулся края.

Пальцы сразу отдёрнулись.

— Что? — спросил матрос.

— Ничего.

Глен коснулся снова.

Палуба была холодной; мокрый металл вокруг был холодным; даже инструменты рядом отдавали ночной сыростью, — но табличка ощущалась иначе: будто холод исходил не от её поверхности, а находился внутри самого материала, в са-

мых его недрах, и оттуда, из этого неподвижного средоточия, медленно переходил в пальцы, затем в ладонь, выше по руке, словно проникая не через кожу, а каким-то иным, непонятным путём.

Глен сжал край сильнее.

И только тогда понял.

Она была холоднее всего вокруг.

— Камень? — спросил кто-то.

Глен убрал руку.

— Если камень, то странный.

Двое матросов попытались приподнять находку.

Не получилось.

Они перехватились.

Подняли вдвоём.

— Тяжёлая зараза.

— Может, поэтому сеть тянуло.

Глен провёл пальцами по поверхности.

Под слоем грязи ощущались углубления.

— Воды дай.

Ему протянули бутылку.

Глен плеснул на находку и протёр её тряпкой.

Появились линии.

Сначала несколько.

Потом больше.

Одни шли почти прямо.

Другие изгибались.

Пересекались.

Обрывались.

Глен наклонился ближе.

— Письмо? — спросил матрос.

— Не знаю.

— На наше не похоже.

— Очень наблюдательно.

Кто-то усмехнулся.

Глен не отреагировал.

На первый взгляд линии напоминали письменность или орнамент. Но стоило задержать взгляд дольше, и рисунок начинал терять очевидный порядок. Отдельный знак можно было проследить пальцем, пока он внезапно не оказывался частью другого; две линии, казавшиеся параллельными, сходились под углом, которого Глен почему-то не замечал мгновение назад.

Он моргнул.

Посмотрел снова.

Обычная резьба.

Просто незнакомая.

Глен протёр центр.

Под грязью проступило изображение.

Рука остановилась.

Ничего по-настоящему страшного в нём не было.

Грубая старая фигура.

Большая голова.

От нижней части лица отходили длинные отростки.

Тело казалось непропорциональным.

По бокам виднелись какие-то формы — то ли конечности, то ли складки, то ли часть общего узора.

— Осьминог? — сказал один из матросов.

— С ногами?

— Может, это не ноги.

— А что?

— Откуда мне знать.

Другой мужчина наклонился.

— Морской чёрт.

Кто-то засмеялся.

Смех оборвался быстро.

Глен продолжал смотреть.

Он видел в порталах сотни дешёвых амулетов, деревянных демонов, масок и чудовищ, придуманных специально для туристов.

Эта фигура была другой.

Не потому, что выглядела страшнее.

Наоборот.

В ней не чувствовалось попытки напугать.

Не было гримасы.

Не было угрожающей позы.

Не было преувеличения.

Существо просто было изображено — спокойно, почти буднично, с той же естественностью, с какой на древней

плите могли изобразить человека, корабль или животное; и именно отсутствие в этом изображении всякого намерения вызвать страх постепенно делало его неприятнее любой нарочно уродливой маски.

Как будто тот, кто вырезал фигуру, не придумывал её.

Глен поймал себя на том, что избегает смотреть на голову.

Он выпрямился.

— Уберите в сторону.

— Выбросить?

Первой мыслью было сказать «да».

Настолько быстрой, что Глен сам удивился.

Он посмотрел на пустую сеть.

— Нет.

— А зачем она нам?

— Потом разберёмся.

— Что тут разбираться?

Глен пожал плечами.

— Может, старая.

— И?

— Может, кто-нибудь заплатит.

Это объяснение ему понравилось.

Простое.

Материальное.

Матросы подняли табличку и понесли к переборке.

Глен отошёл.

За спиной раздался металлический удар.

Он остановился.

По палубе прошла дрожь.

Слабая.

Почти незаметная.

Но Глен почувствовал её через подошвы.

Не обычную вибрацию двигателя — эта находилась ниже привычного гула, ниже различного звука, и на одно короткое мгновение появилось странное давление в зубах, словно где-то внутри корпуса возникла частота, которую ухо ещё не могло слышать, но тело уже почему-то ощущало.

Матрос возле таблички тоже замер.

— Слышал?

Глен подошёл.

— Что?

— Не знаю.

— Тогда чего спрашиваешь?

Матрос показал вниз.

Один из металлических элементов снасти скользнул по поверхности таблички.

— Она как будто... гудела.

— Постучи.

Мужчина ударил костяшками.

Тупой звук.

Ещё раз.

То же самое.

— Только что было другое.

— Потому что железо по ней проехало.

— Возможно.

Глен посмотрел на находку.

По тёмной поверхности стекали капли воды.

Обычный неподвижный предмет.

Кусок неизвестного материала.

Безобидный.

Он отвернулся.

Сделал два шага.

И неожиданно поймал себя на мысли, настолько нелепой, что почти рассердился:

голова на рисунке будто находилась чуть иначе, чем минуту назад.

Глен не стал оборачиваться.

Следующий проход оказался почти пустым.

Глен сменил курс.

Ушёл севернее.

Трал поставили снова.

Результат почти не изменился.

К середине дня люди перестали шутить.

Плохой улов случался.

Пустой участок тоже случался.

Но несколько часов назад приборы показывали здесь обычную активность.

Теперь рыбы будто не было.

Глен проверил оборудование.

Потом ещё раз.

Всё работало.

На эхолоте появлялись отметки.

Ненадолго.

Потом уходили.

— Будто от нас разбегаются, — сказал один из матросов.

Глен продолжал смотреть на экран.

— Рыба всегда от чего-нибудь уходит.

— Но не от траулера на несколько миль.

Глен поднял голову.

— Хочешь сказать, мы её распугали?

Матрос промолчал.

Посмотрел в сторону технического помещения.

Глен заметил.

— Что?

— Ничего.

— Говори.

Мужчина помедлил.

— С того момента, как подняли эту штуку.

Глен усмехнулся.

— Конечно.

— Я просто сказал.

— А птицы тоже из-за неё?

Матрос посмотрел вверх.

Над судном не было ни одной чайки.

Глен пожалел, что задал вопрос.

— Погода.

— Может быть.

— Вот и всё.

Матрос ушёл.

Но спустя некоторое время вернулся.

— Капитан.

— Что ещё?

— Если она ничего не стоит...

Он не закончил.

Глен понял.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Хотел предложить выбросить.

Матрос посмотрел на воду.

— Да.

Нормально было бы рассмеяться.

Сказать что-нибудь про моряцкие суеверия.

Отправить его работать.

Но смеяться не хотелось.

— Она ничего не сделала.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Матрос потёр ладони о рабочие брюки.

— Не нравится она мне.

— Железка?

— Ты сам сказал, что это не железо.

— Я такого не говорил.

Мужчина посмотрел на него.

Глен почувствовал, что раздражается.

— Иди работай.

Матрос сделал несколько шагов.

Остановился.

— Капитан.

— Ну что ещё?

— Ты заметил, что море сегодня почти не пахнет?

Глен нахмурился.

— Что?

— Не знаю, как объяснить.

Матрос вдохнул.

— Обычно запах сильнее.

Глен тоже вдохнул.

Соль.

Дизель.

Мокрый металл.

Что-то рыбное от старого оборудования.

Ничего необычного.

Он уже хотел это сказать.

Но задержал дыхание.

Вдохнул ещё раз.

Матрос был прав.

Не отсутствовал какой-то один запах.

Не хватало всей привычной смеси — водорослей, соли, органики, сырого ветра, того тяжёлого дыхания моря, которое человек замечает в порту и перестаёт ощущать через несколько часов после выхода.

Теперь воздух был другим.

Чище.

Пустее.

Холоднее.

Как воздух над водой, в которой ничего не живёт.

— Устал ты, — сказал Глен.

— Возможно.

— Иди.

Матрос ушёл.

Глен остался у борта.

Вода была почти чёрной.

Он смотрел вниз.

Сначала просто так.

Потом сам не понял зачем продолжил.

Прошла минута.

Может, меньше.

И тогда он услышал звук.

Очень низкий.

Короткий.

Глен поднял голову.

Звук нельзя было уверенно назвать звуком. Он словно не пришёл через воздух, а возник сразу внутри корпуса, про-

шёл через металл, палубу и кости, оставив после себя лишь ощущение того, что где-то далеко внизу на мгновение сдвинулось нечто слишком большое, чтобы движение это вообще могло иметь отношение к траулеру.

Гммм.

Глен выпрямился.

Посмотрел на лебёдку.

На двигатель.

На техническое помещение.

— Слышал? — спросил человек возле снастей.

Глен повернулся.

— Что?

Матрос прислушался.

— Уже ничего.

Они постояли молча.

Звук не повторился.

Глен сделал ещё один проход.

Потом последний.

Море словно опустело.

Наконец он сказал:

— Сворачиваемся.

Никто не возразил.

Обычно после неудачного рейса кто-нибудь обязательно предлагал пройти ещё милю, дать ещё час, сделать последнюю постановку.

Сегодня команда приняла решение почти с облегчением.

Глен это заметил.

И ему это не понравилось.

Траулер лёг на обратный курс.

Прошёл примерно час.

Первой вернулась чайка.

Глен увидел её далеко справа.

Птица сделала круг над водой, некоторое время держалась в стороне, потом приблизилась.

Позже появилась ещё одна.

Потом третья.

На экране эхолота снова возникли отметки.

Глен несколько секунд смотрел на них.

Рыба.

Обычная рыба.

Она снова была там.

Он почувствовал облегчение.

И почти сразу разозлился на себя.

На обратном пути табличка лежала у стены технического помещения.

Кто-то успел смыть с неё большую часть ила.

Глен проходил мимо.

Остановился.

Сам не понял зачем.

В помещении горела старая лампа под металлическим

плафоном. Судно слегка покачивало, и свет медленно ходил по стене.

Влево.

Вправо.

Влево.

Табличка лежала внизу.

Теперь фигуру можно было рассмотреть лучше.

Голова действительно была слишком большой относительно тела. От нижней части отходили длинные отростки.

Утром Глен решил, что это щупальца.

Теперь уже не был уверен.

Некоторые соединялись с соседними линиями так, что взгляд начинал путаться.

Он наклонился.

Глаза.

Если это были глаза.

Два углубления находились примерно там, где человек ожидал их увидеть.

Но выше были ещё точки.

Небольшие.

Почти стёртые.

Глен приблизил лицо.

Повреждения.

Наверное.

Следы раковин.

Сколы.

Он начал считать.

Два.

Потом заметил третье углубление.

Четвёртое.

Лампа качнулась.

На несколько секунд изображение ушло в тень, и в этом скользющем полумраке лицо существа внезапно перестало восприниматься как грубая резьба: отдельные углубления будто заняли правильные места, линии собрались в единое целое, и Глену показалось, что перед ним вовсе не попытка древнего мастера изобразить фантастическое создание, а крайне упрощённая, почти примитивная копия чего-то реального — настолько чуждого человеческому телу, что разум до последнего пытался разобрать его на знакомые части.

Лампа качнулась обратно.

Глен резко выпрямился.

Обычная табличка.

Обычная резьба.

— Устал, — сказал он вслух.

Голос прозвучал слишком громко.

На стене двигалась тень.

Влево.

Вправо.

Влево.

Глен уже собирался выйти.

Лампа качнулась вправо.

Тень фигуры вытянулась.

Всё нормально.

Лампа пошла обратно.

А тень осталась.

Глен замер.

Всего на мгновение.

Меньше секунды.

Но свет уже двигался в одну сторону, а тёмный силуэт на стене ещё сохранял прежнее положение, будто между предметом и его тенью существовала ничтожная задержка.

Потом тень догнала свет.

Глен не шевелился.

Лампа качнулась снова.

Влево.

Тень пошла за ней.

Вправо.

Нормально.

Ещё раз.

Ничего.

— Хватит.

Глен отвернулся.

Старая лампа.

Неровная стена.

Качка.

Усталость.

Каждого объяснения было достаточно.

Ему почему-то понадобились все четыре.

В дверях появился матрос.

Глен вздрогнул.

Сильнее, чем хотел бы.

— Чего тебе?

Матрос остановился.

— До порта часа четыре.

— Знаю.

Тот посмотрел на табличку.

Вернее, почти посмотрел.

Его взгляд задержался рядом с ней.

— Старая, думаешь?

Глен пожал плечами.

— Может быть.

— Ценная?

— Узнаем.

— Где?

— В городе есть старьёвщик.

— Возле рынка?

— Да.

Матрос кивнул.

Несколько секунд стоял молча.

— Если он скажет, что ничего не стоит...

Глен уже знал продолжение.

— Тогда решим.

— Я бы выбросил.

— Ты уже говорил.

Матрос ушёл.

Глен остался.

Посмотрел на находку.

Теперь она была не только мусором.

Рейс получился плохим.

Топливо сгорело.

Людям нужно платить.

Улова почти нет.

Если за старую вещь можно получить хоть какие-то деньги, выбрасывать её из-за нескольких странностей было бы идиотизмом.

Так рассуждал Глен.

Так рассуждал бы любой нормальный человек.

Он присел и снова коснулся края.

Холод сразу вошёл в пальцы.

За несколько часов в помещении табличка должна была хотя бы немного прогреться. Здесь не было морской глубины, ледяного течения или промёрзшего дна; вокруг работали механизмы, через переборку шло тепло, воздух был холодным, но обычным, — и всё же материал под его пальцами сохранял тот же глубокий, неподвижный холод, словно время, проведённое на судне, ничего для него не значило.

Глен убрал руку.

Не стал проверять ещё раз.

К вечеру впереди появился туман.

Сначала отдельными полосами.

Редкими и почти прозрачными.

Они лежали низко над водой, и траулер проходил через них, не снижая скорости.

Потом полос стало больше.

Они соединялись.

Берег ещё не был виден.

Горизонт исчез.

Глен стоял в рубке.

Под ладонью дрожала приборная панель.

Обычная вибрация двигателя.

Ровная.

Понятная.

Надёжная.

Он слушал её несколько минут, хотя сам этого не замечал.

Потом внутри привычной дрожи появилось что-то ещё.

Глен замер.

Медленный импульс прошёл через ладонь.

Исчез.

Через несколько секунд вернулся.

Он убрал руку.

Двигатель работал ровно.

Глен снова положил ладонь на панель.

Ничего.

Подождал.

Только двигатель.

Он смотрел на собственные пальцы.

Сзади открылась дверь.

На пороге стоял тот самый матрос.

Лицо у него было усталым.

Серым.

Он почему-то не вошёл.

— Капитан.

Глен не обернулся.

— Что?

Матрос молчал.

За стеклом туман становился плотнее.

— Ну?

— Вы это слышите?

Глен медленно повернул голову.

— Что именно?

Матрос посмотрел вниз.

Не на палубу.

Будто гораздо глубже.

— Гул.

Несколько секунд никто не говорил.

Глен хотел ответить, что работает двигатель.

Что гудит лебёдка.

Что старый траулер вообще никогда не бывает по-настоящему тихим.

Он уже почти выбрал одно из этих объяснений.

Но не произнёс его.

Потому что под обычным шумом судна — ниже рокота двигателя, ниже дрожи металла, ниже всего знакомого и привычного — медленно поднимался тот же низкий звук.

На этот раз Глен тоже его слышал.

Глава 1

ЦЕНА РЕЙСА

Сначала в серой дали угадывалась едва различимая полоска суши; потом над ней поднимались крыши, трубы, вышки и стрелы кранов; ещё ближе человеческий глаз уже начинал отделять одно сооружение от другого, — и в этой постепенности, в этом медленном, почти торжественном проявлении земли из моря было что-то успокаивающее, какая-то древняя гарантия того, что мир остаётся на своих местах.

Сегодня всё было иначе.

Порт возник только тогда, когда траулер вошёл достаточно глубоко в туман, — и возник он не сразу, не целиком, а по частям, неохотно, отдельными фрагментами, между которыми оставалась одна и та же молочно-серая пустота, — и в этой пустоте, в этом отсутствии всякой видимой связи между частями гавани было что-то, от чего даже привычный к морю человек начинал чувствовать себя не наблюдателем, а тем, кого наблюдают.

За стёклами рубки почти не существовало ни моря, ни неба, ни горизонта.

Белёсая масса заполняла всё пространство впереди и по сторонам. Даже нос судна временами казался короче обыч-

ного: его передняя часть растворялась в тумане, будто старый траулер не двигался по воде, а медленно входил в плотное бесформенное вещество, которое нехотя расступалось перед металлическим корпусом и тут же смыкалось за кормой.

Первым появился красный огонь буя.

Он висел в молочной пустоте без видимой воды под ним и без горизонта за ним, одинокий и неподвижный, слишком яркий среди серой бесцветности утра, и на несколько секунд Глену показалось, будто из тумана на приближающееся судно смотрит чей-то единственный красный глаз — глаз существа, остальная часть которого скрыта настолько хорошо, что воображение может наделить его любыми размерами.

Мысль была нелепой, почти детской, и Глен даже собирался усмехнуться, однако взгляд всё равно задержал на красной точке чуть дольше, чем требовалось.

Только когда траулер подошёл ближе и под огнём начала проступать тёмная металлическая конструкция буя, мокрая цепь и небольшой участок почти чёрной воды вокруг основания, сходство рассыпалось.

Красный глаз снова стал обычным навигационным огнём. Почти сразу чуть левее возник портовый кран.

Вернее, сначала показались только две длинные чёрные опоры, уходившие вверх и исчезающие в тумане. Стрела, площадка и верхняя часть конструкции оставались невидимыми, основание тоже терялось в белизне, и на несколько

мгновений эти тёмные линии стали похожи на ноги огромного паука, неподвижно стоящего внутри гавани, пока его туловище находится где-то значительно выше человеческого взгляда.

Туман медленно сдвинулся.

Появилась перекладина.

Потом часть стрелы.

Обычный портовый кран.

Глен моргнул и посмотрел дальше.

Следом из белой массы начал появляться волнолом.

Сначала показался только его дальний край, затем вдоль воды вытянулась длинная мокрая линия бетона, и из-за того, что большая часть сооружения всё ещё оставалась скрытой, Глену на мгновение представилось, будто из тумана протянулась рука какого-то огромного существа и положила тяжёлые каменные пальцы поперёк входа в гавань.

Ещё немного — и стали различимы отдельные бетонные блоки, ржавая лестница, металлические скобы, старые трещины и тёмные полосы пены у самой воды.

Образ исчез.

Глен недовольно нахмурился.

Слишком много воображения для человека, который несколько суток нормально не спал.

Он положил ладонь на край приборной панели. Под пальцами шла привычная ровная дрожь двигателя, и это ощущение почти успокаивало: у каждой вибрации есть источник,

у каждого звука — причина, а любой механизм, каким бы старым он ни был, в конце концов подчиняется понятным законам.

Низкий гул, который они слышали ещё в море, больше не повторялся.

По крайней мере, Глен уже несколько раз говорил себе именно это.

Старый корпус отзывался знакомыми скрипами; где-то под ногами временами дрожала переборка, а в плохо закрытом шкафчике при каждом повороте постукивала металлическая кружка. Весь траулер был наполнен десятками маленьких звуков, которых человек уже через несколько дней переставал замечать, и Глен прекрасно знал, насколько легко два обычных колебания могли наложиться одно на другое и породить третий тон — незнакомый, низкий, иногда настолько странный, что казалось, будто он идёт не из двигателя и не из корпуса, а откуда-то снизу.

Если бы этот гул слышал только он, вопрос давно был бы закрыт.

Но его слышал ещё один человек.

Глен слишком хорошо помнил, как матрос стоял в дверях рубки, смотрел куда-то вниз, словно пытался определить источник не столько ушами, сколько всем телом, и спросил:

— Капитан.

— Что?

— Вы это слышите?

Глен тогда ещё хотел ответить, что слышит сотню разных вещей одновременно.

Не успел.

Гул исчез.

Теперь он возвращался к этому моменту чаще, чем ему нравилось.

— Ещё сбросить? — спросил рулевой.

Глен посмотрел на скорость.

— Немного. Здесь туман гуще.

Обороты снизились.

Рокот двигателя изменился, и траулер стал двигаться почти осторожно, словно и само старое судно понимало, что впереди ничего не видно.

Где-то в тумане прогудело другое судно.

Звук оказался тяжёлым, низким и настолько близким, что Глен машинально поднял голову, ожидая увидеть прямо перед собой чёрный борт.

Ничего.

Только белая стена.

Через несколько секунд с противоположной стороны гавани ответила вторая сирена, чуть выше первой. Два тона на короткое мгновение наложились, и получившийся гул странно напомнил Глену урчание собственного желудка, когда он долго ничего не ел, — только многократно усиленное, растянутое и прошедшее не через тело, а будто через весь туман и воду вокруг.

От сравнения стало неприятно.

Слишком живым показался звук.

Будто голодным был не человек.

Будто еды требовало то огромное, чей единственный красный глаз Глен уже увидел в огне буя, а протянутую через гавань каменную руку — в очертаниях волнолома. На короткое мгновение эти два случайных образа соединились в его голове, словно принадлежали одному существу, спрятавшему остальное тело в тумане, и именно это заставило его почти сразу отвернуться.

Он прекрасно понимал, откуда взялось сравнение.

Недосып.

Пустой желудок.

Туман.

И больше ничего.

— Капитан?

Глен повернулся.

— Что?

— Вы будто прислушиваетесь.

— В такую видимость полезно прислушиваться.

Рулевой кивнул.

На этом разговор закончился.

По правому борту снова проступили тёмные опоры крана.

С палубы кто-то сказал:

— Красиво.

Глен покосился в сторону открытой двери.

— Ты всегда умудряешься находить красоту там, где остальных уже воротит.

Снизу тихо хмыкнули.

— Зато не скучно.

— Вот когда эта красота полезет тебе под кожу, тогда и расскажешь, насколько было весело.

На палубе коротко засмеялись.

Смех почти сразу утонул в тумане.

Чем глубже траулер входил в гавань, тем сильнее белая мгла искажала пространство. Портовые фонари не освещали дорогу вокруг себя, а словно существовали каждый внутри собственного мутного жёлтого облака; иногда Глену казалось, что следующий столб находится в десяти метрах, а судно проходило двадцать или тридцать, прежде чем из тумана показывалась сама металлическая опора.

Голоса тоже обманывали расстояние.

Сначала появились они.

— Кормовой готовь!

— Ещё ближе!

— Вижу!

Самого причала ещё не было видно.

Звуки отражались от складских стен, контейнеров и металлических конструкций, приходили справа и слева, иногда будто сверху, и создавалось впечатление, что внутри тумана разговаривает вдвое больше людей, чем действительно находилось на берегу.

Только потом впереди проступил бетон.

Чёрный от воды.

С ржавыми потёками вокруг металлических скоб и грязными резиновыми отбойниками, блестящими от сырости.

Глен вышел из рубки.

Холодная влажность сразу легла на лицо и руки, проникла под воротник. Воздух здесь пах дизелем, рыбой, мокрой древесиной, солью, старым канатом, машинным маслом и ржавым железом — той тяжёлой портовой смесью, которую он обычно переставал замечать через несколько минут, однако после пустого моря эти запахи неожиданно показались почти уютными.

Берег.

Люди.

Бетон.

Грязь.

Машины.

Нормальный мир.

Глен подошёл к борту и положил на перила холодную мокрую ладонь. Пальцы у него были жёсткие, натруженные, изрезанные мелкими старыми шрамами; кожа на костяшках давно огрубела от соли, канатов, металла и холода, но даже через неё он чувствовал промёрзшее железо ограждения.

Вода между траулером и причалом была почти чёрной.

Жёлтые отражения фонарей тянулись по ней длинными полосами, ломались, расстались и снова распадались при

каждом слабом движении поверхности.

Глен посмотрел вниз.

Сначала увидел собственное лицо — серое, усталое, разрезанное рябью. Когда вода качнулась, отражение вытянулось настолько сильно, что на мгновение перестало быть человеческим.

— Красавец, — тихо сказал он.

Поверхность дрогнула.

Лицо исчезло.

Остались только жёлтые полосы света и тёмные вертикали свай.

Потом между ними появилось небольшое светлое пятно.

Глен почти не обратил внимания.

Наверное, мусор.

Пластик.

Кусок мокрой ткани.

Рядом возникло второе.

Потом третье.

Пятна почему-то не двигались вместе с водой.

Глен наклонился ниже.

Несколько светлых форм располагались почти в ряд, и одна отделилась от другой настолько отчётливо, что вдруг стала похожа на голову ребёнка.

Глен нахмурился.

Отражение.

На причале кто-то стоит.

Он поднял голову.

Причал был пуст.

Туман.

Кнехты.

Жёлтый фонарь.

Часть стены склада.

Никого.

Он снова посмотрел вниз.

Фигуры оставались.

Четыре.

Или пять.

Из-за мелкой дрожи поверхности точно определить было невозможно.

Они стояли рядом, почти касаясь друг друга.

Глену показалось, будто держатся за руки.

Последняя фигура находилась чуть в стороне.

Маленькая.

Светлая.

С чуть склонённой головой.

Пальцы Глена сильнее сжали мокрое железо.

Нет.

Он ещё ничего не видел.

Только пятна.

Усталый мозг собирал знакомые формы там, где их не существовало. Люди видят лица в облаках, человеческие силуэты в тенях, умерших родственников в незнакомцах, мельк-

нувших на другой стороне улицы.

Ничего необычного.

Он понимал это.

И продолжал смотреть.

Маленькая фигура в воде медленно повернула голову.

Глен увидел лицо дочери.

Не то лицо, которое осталось в памяти от последних месяцев, не больничное, осунувшееся и слишком взрослое для её возраста.

Другое.

Такое, какое было на старой фотографии в его портовом кабинете.

Волосы, которые постоянно лезли ей в глаза.

Чуть сердитое выражение.

Она тогда не хотела стоять неподвижно, пока отец возился с камерой.

Глен перестал слышать порт.

Двигатель.

Людей.

Воду.

Девочка смотрела вверх.

Прямо на него.

— Капитан!

Глен резко выпрямился.

Отражение рассыпалось.

— Капитан, причал!

Бетонная стенка оказалась гораздо ближе, чем должна.
— Машину назад! Медленнее!

Команда задвигалась.

Канат полетел на берег.

Из тумана почти у самого борта внезапно возник портовый рабочий.

Он был массивный, в тяжёлой непромокаемой одежде, и в первое мгновение показался Глену куском скалы, который каким-то образом отделился от белой стены и двинулся к судну.

Рабочий поймал конец швартова, обвёл его вокруг кнехта, выкрикнул что-то матросам и снова шагнул назад.

Туман принял его так же быстро, как выпустил.

Ещё секунду была видна яркая полоса на его куртке, затем исчезла и она.

Портовый рабочий ушёл обратно в туман почти так же мгновенно, как появился, будто гавань на несколько секунд вытолкнула его наружу только затем, чтобы сразу забрать обратно.

Глен ещё раз посмотрел вниз.

Никаких детей.

Только вода.

Огни.

Кусок дерева у стены.

Он отвернулся.

Если захочет, объяснение найдётся потом.

Сейчас существовали судно, причал, канаты и люди.

Швартовка пошла плохо не из-за одной крупной ошибки, которую позже можно было бы спокойно разобрать и записать в журнал, а из-за нескольких мелких обстоятельств, каждое из которых само по себе ничего не значило: мокрый бетон был скользким, канаты напитались влагой и стали тяжелее, слабое поперечное течение понемногу прижимало корму к стенке, а люди после долгого рейса двигались чуть медленнее и чуть менее точно, чем им самим казалось.

Носовой швартов уже почти закрепили.

Кормовой натягивали.

Глен стоял ближе к середине траулера.

— Ещё метр.

Из рубки ответили:

— Вижу.

— Не прижимай.

— Не прижимаю.

Корпус двигался медленно, почти идеально.

Потом корму чуть повело к бетону.

Возможно, изменилось течение.

Возможно, подул ветер.

Возможно, тяжёлое судно просто продолжило движение, которое человеку уже казалось остановленным.

Один из матросов наклонился к швартову.

Глен потом не смог точно вспомнить, зачем тот потянул-

ся рукой к борту: хотел поправить петлю, убрать канат, проверить отбойник. Он увидел только предплечье там, где ему нельзя было находиться.

— Руку!

Матрос резко повернулся.

Поздно.

Стальной борт шёл к бетонной стенке.

Человек рванул руку назад.

Не успел.

Расстояние исчезло.

Раздался тяжёлый, глухой удар.

Не хруст.

Не треск.

Именно тупой звук, будто между двумя массивными поверхностями попал мокрый свёрток ткани.

Потом матрос закричал.

Крик оказался высоким и коротким, совершенно не похожим на его обычный голос.

— Назад! Машину назад! — заорал Глен.

Команду подхватили сразу несколько человек.

Кто-то рванул канат.

На причале закричали.

Несколько секунд корпус продолжал давить руку, и позже Глену эти секунды вспоминались гораздо длиннее, чем были на самом деле.

Потом между бортом и стенкой появилась узкая полоса

чёрной воды.

Матрос выдернул руку.

Сделал шаг.

Другой.

И сел прямо на мокрую палубу.

Глен оказался рядом первым.

Рабочая перчатка была разорвана почти до ладони, ткань рукава возле запястья лопнула и свисала мокрыми полосами. Кисть выглядела так, словно внутри неё исчезло всё, что прежде удерживало правильную форму: пальцы лежали под неестественными углами, тыльная сторона быстро распухла, под кожей начали проступать тёмные пятна.

Руку не просто прижало.

Её раздробило между судном и причалом.

Самым неприятным было почти полное отсутствие крови в первые секунды. Из-за этого повреждение выглядело не как обычная рана, а как сломанный механизм, в котором внутренние детали сместились, оставаясь под оболочкой.

Один из матросов протянул руку к перчатке.

— Не трогай.

— Снять надо.

— Закрой варежку. Не трогай её.

Мужчина отдёрнул руку.

Глен присел перед пострадавшим.

Тот смотрел на собственную кисть с выражением почти детского недоверия.

— Капитан...

— На меня смотри.

— Пальцев не чувствую.

— Руку не двигай.

— Вообще не чувствую.

— Я понял.

Матрос попытался снова посмотреть вниз.

Глен взял его за плечо.

— На меня.

Тот поднял глаза.

Это был крупный мужчина, которого Глен видел и в шторм, и на ледяном ветру, и после тяжёлой многочасовой работы, когда остальные уже матерились от усталости. Он мог рассечь костяшки о металл, содрать кожу с ладони, надорвать спину на мокром канате и потом ещё полсмены ходить так, словно ничего не произошло.

Теперь он стонал.

Не громко.

Почти непрерывно, сквозь стиснутые зубы, и от этих сдавленных звуков окружающим становилось едва ли не тяжелее, чем от первого крика.

По его мужественному лицу, за многие годы обветренному морским ветром, холодом и солью, текли редкие слёзы. Скупые мужские слёзы, которых он, похоже, стыдился больше собственной беспомощности.

Он несколько раз попытался вытереть щёку о плечо, слов-

но никто не должен был заметить.

Но боль была такой, что тело перестало спрашивать его разрешения.

Глен смотрел на него и прекрасно понимал: если этот человек сейчас плачет, значит боль действительно почти невыносима.

— Скорую вызвали? — крикнул Глен.

— Звонят!

— Скажите точно: кисть раздробило между судном и бетоном. И человека ко въезду отправьте, чтобы встретил. В таком тумане они сюда сами чёрт знает сколько будут искать дорогу.

Один из портовых работников побежал вдоль причала.

Через несколько шагов его фигура стала серой.

Потом белой.

Потом исчезла.

Матрос снова застонал.

— Капитан.

— Что?

— Отрежут?

Глен посмотрел ему в глаза.

Врать не хотелось.

— Сейчас врачи посмотрят.

— Она холодная.

— Не двигай.

— Я пальцев не чувствую.

— Я слышал.

Матрос прикрыл глаза.

— Эй. Глаза открой.

Он открыл.

Глен говорил жёстко намеренно. После несчастного случая человеку иногда легче выполнять простые команды, чем слушать бессмысленные обещания вроде «всё будет хорошо», когда никто не знает, будет ли.

Кто-то принёс чистую ткань.

Другой матрос снял куртку и свернул её валиком.

Повреждённую руку осторожно уложили так, чтобы она почти не двигалась. Перчатку не снимали. Пальцы не пытались выпрямить.

Матрос дышал часто.

Иногда стон переходил в короткое глухое рычание.

— Сука...

Он сглотнул.

— Сука, как больно.

Глен не ответил.

Что тут отвечать.

Потом оставалось ждать.

И ожидание оказалось хуже первых минут.

Порт вокруг продолжал работать. Где-то вдали гудел погрузчик, за складами лязгнула металлическая цепь, доносились крики людей, занятых совершенно другими судами. Вода медленно поднималась и опускалась между бортом и стен-

кой, словно здесь ничего не произошло.

Глен поднялся и положил свою холодную, мокрую руку на перила. Рядом с сидящим матросом оборванные части рукава болтались от ветра, временами прилипая к куртке и снова отрываясь.

Глен почему-то смотрел именно на них.

Не на кисть.

Не на лицо.

На мокрую ткань.

Он давно заметил, что память выбирает странные вещи. Иногда из тяжёлого происшествия в ней оставался не сам момент, а какой-нибудь звук, запах или ненужная мелочь, которую в обычной ситуации человек вообще не заметил бы.

Глен опустил взгляд.

Между траулером и причалом плескалась вода.

Вот там только что находилась человеческая рука.

Он отвернулся.

— Они едут? — спросил пострадавший.

— Едут.

— Долго.

— Порт большой.

— Сколько прошло?

Глен посмотрел на часы.

Девять минут.

— Девять.

— Уже?

— Да.

Матрос снова застонал.

— Как будто молотком внутри долбят.

— Терпи.

— Легко сказать.

— Я и не говорю, что легко.

Прошла ещё минута.

Потом вторая.

— А если они...

Глен посмотрел на него.

— Да иди ты со своими «если». Едут они. Дыши спокойно.

Матрос попытался усмехнуться.

Получилось плохо.

— Вот теперь узнаю капитана.

— Значит, совсем не помираешь.

— Пошёл ты.

— Уже лучше.

Эта короткая перебранка помогла всего на несколько секунд.

Потом боль снова победила, и мужчина сжал зубы так сильно, что мышцы на лице задрожали.

Туман сгущался.

Верхушки кранов исчезли окончательно, и теперь из белизны временами проступали только длинные тёмные опоры.

Глену снова вспомнились ноги огромного паука.

Он сразу отогнал образ.

Прошло ещё несколько минут.

Из-за складов донеслась сирена.

Сначала слабая.

Потом громче.

На несколько секунд звук исчез за зданиями.

Вернулся.

Машина, вероятно, остановилась у въезда.

Люди всё ещё ждали.

Никого не было видно.

Потом из тумана донёсся голос:

— Сюда!

Ещё один.

Ближе.

Матрос возле трапа повернулся.

— Капитан! Идут!

Глен поднялся.

Сначала в тумане появилось движение.

Потом из белой мглы вынырнул тот самый портовый рабочий в сигнальной куртке, которого отправили встречать машину. Он возник так же внезапно, как прежде у борта, и на секунду снова показался Глену чем-то тяжёлым, каменным, будто скала научилась ходить.

За ним появилась скорая.

Она остановилась у причала, и почти сразу из белой мглы появились двое медиков с сумками. Они шли так быстро,

что временами переходили почти на бег, осторожно выбирая дорогу по мокрому бетону, а вокруг их ног и плеч туман завивался короткими вихрями, будто сам воздух не успевал сомкнуться за ними. Синие вспышки от машины проходили сквозь эту движущуюся белизну, на мгновение окрашивая её холодным светом, и фигуры медиков то становились резкими, то снова почти исчезали в тумане.

Портовый рабочий указал им направление и тут же отошёл.

Несколько шагов.

Половина фигуры исчезла.

Ещё шаг.

И туман снова поглотил его так же мгновенно, как прежде выпустил.

Глен указал на раненого.

— Рука между бортом и бетоном. Раздробило кисть. Минут пятнадцать назад.

Один из медиков уже опустился рядом.

— Имя?

Матрос ответил.

— Сознание терял?

— Нет.

— Тошнит?

— Нет.

— Аллергии?

Начались короткие вопросы, движения, осмотр.

Когда медик осторожно прикоснулся к предплечью, пострадавший резко втянул воздух и застонал громче.

Слёзы снова пошли по щекам.

Он отвернул лицо.

— Всё нормально, — сказал медик. — Не геройствуйте.

— Я и не геройствую.

— Вот и хорошо.

Глен отошёл.

Только теперь, когда кто-то другой принял решение о том, что делать дальше, он почувствовал, насколько устал.

— Капитан.

Он повернулся.

Рядом стоял Кленк.

Не пострадавший матрос — тот самый, который ещё в море первым заговорил о гуле.

Теперь он смотрел не на медиков.

Его взгляд был направлен к корме.

Там, между ящиками и оборудованием, лежал потрёпанный брезент, весь покрытый старыми пятнами от рыбы, морской воды и грязи. Из-под его неровного края торчал угол тёмно-зелёной таблички.

Кленк некоторое время молчал.

Потом Кленк сунул руку во внутренний карман куртки и достал старый кожаный кошелёк.

Глен сначала решил, что тот ищет сигареты или документы.

Кленк открыл маленькое внутреннее отделение.

Матрос достал из кошелька небольшую металлическую монету-икону и большим пальцем осторожно прикоснулся к затёртому лику Николая Чудотворца. Несколько секунд он стоял так, словно само это прикосновение придавало ему уверенности, затем перекрестился и посмотрел в сторону кормы.

— Выкинь этот ужас, от неё одни беды.

Глен повернулся к нему.

— Не тебе решать.

Матрос поднял глаза.

Спорить не стал.

— Я сказал, что думаю.

— Я услышал.

На этом разговор закончился.

Глен не собирался объяснять ему ни исчезнувшую рыбу, ни птиц, ни гул, ни человеческую руку, оказавшуюся между корпусом и бетонной стенкой.

Не ему решать.

Этого было достаточно.

За спиной медики уже готовили раненого к транспортировке.

Один поддерживал повреждённую руку.

Второй помог человеку подняться.

Матрос застонал, лицо его на мгновение исказилось, но он удержался на ногах.

Когда его повели к машине, он повернул голову в сторону Глена.

Капитан кивнул.

Матрос попытался ответить тем же.

Через несколько секунд туман поглотил их.

Синие вспышки ещё некоторое время проходили между складами.

Потом исчезли.

Мужчина с монетой-иконой уже ушёл помогать остальным — нужно было смыть с палубы кровь, убрать мокрые тряпки, привести всё в порядок и наконец закончить швартовку, — но сказанные им слова не исчезли вместе с ним. Они будто остались висеть в сыром портовом воздухе, тяжёлые и неподвижные, и чем дольше Глен старался о них не думать, тем ощутимее становился их вес.

«Выкинь этот ужас, от неё одни беды».

Глен посмотрел к корме.

Из-под потрёпанного брезента, покрытого старыми пятнами от рыбы, по-прежнему торчал тёмно-зелёный край таблички.

— Продолжаем работу.

Люди снова задвигались.

Улов оказался хуже, чем Глен ожидал.

Он понимал это ещё в море, когда видел почти пустые сети, однако цифры всегда действовали сильнее приблизитель-

ных ощущений.

На причале стояло слишком мало контейнеров.

Рабочие проверяли вес, записывали значения, уводили ящики дальше, и каждый раз, когда очередная партия уходила с весов, Глен мысленно вычитал из будущей выручки ещё немного.

Один из портовых работников заглянул в последний контейнер.

— Это всё?

Глен посмотрел на почти пустой ящик.

— Нет. Остальное осталось в воде. После улова решили отпустить.

Рабочий не сразу понял.

Потом хмыкнул.

— Добрые вы.

— Особенно когда ловить нечего.

Рабочий усмехнулся, но, заметив выражение лица Глена, решил дальше не шутить.

Глен прошёл вдоль груза.

Топливо.

Лёд.

Провизия.

Оплата экипажа.

Портовые сборы.

Мелкий ремонт.

Лебёдка, которую пришлось приводить в порядок перед

выходом.

Теперь ещё травмированный матрос.

Страховка была.

Но Глен слишком хорошо знал, как подобные вещи происходят в реальности. Операция, восстановление, месяцы без работы, семья.

Деньги всё равно понадобятся.

Он остановился у борта.

Туман не расходился.

Краны уходили вверх и исчезали в белом небе, фонари горели даже днём, а люди появлялись из белизны всего на несколько мгновений, проходили между контейнерами и снова растворялись в тумане, словно дым от костра в ночном небе, который ветер растягивает, истончает, а потом совершенно стирает.

Глен посмотрел на потрёпанный брезент у кормы.

Возникла очень простая мысль.

Поднять табличку.

Донести до борта.

Бросить в воду.

Два движения.

И всё.

Не потому, что он верил в проклятия.

Он не верил.

Просто человек слишком легко связывает случайные события, если рядом имеется вещь, на которую можно свалить

причину.

Пустой улов.

Исчезнувшие птицы.

Гул.

Лицо дочери в воде.

Раздробленная кисть.

Добавь табличку — и получится история.

Глен терпеть не мог истории, возникающие задним числом.

Они всегда выглядели разумнее настоящей жизни.

Он подошёл.

Откинул брезент.

Табличка лежала неподвижно.

Тёмно-зелёная.

Всё ещё тяжёлая.

С отбитым углом.

Глен протянул руку и коснулся края.

Холод.

Он невольно отдёрнул пальцы.

На улице и без того было промозгло, мокрая одежда давно остыла на теле, ветер пробирался под воротник, пальцы на руках зябли, и когда холод таблички добавился ко всему этому сразу, по телу прошла непроизвольная дрожь — от запястья вверх по руке, через плечи и спину.

Глен передёрнул плечами.

— Замёрз.

Сказал это самому себе.

Потом снова положил ладонь на находку.

На улице было холодно. Табличка несколько часов пролежала на промозглой палубе, до этого — неизвестно сколько времени на морском дне; никакой загадки здесь быть не должно было, и всё же холод ощущался иначе, словно находился не на поверхности, а внутри самого материала и медленно переходил в ладонь.

Глен убрал руку.

Слишком холодная.

Он нахмурился.

Но почему бы ей не быть холодной?

На улице холодно.

В море тоже.

Он задержал пальцы на краю.

На центральную фигуру смотреть не хотелось.

Именно поэтому он заставил себя посмотреть.

Большая голова.

Отростки.

Неясное тело.

Странные боковые формы.

Ничего такого, чего человеческое воображение не могло бы придумать.

Однако неприятность изображения заключалась не в его уродстве.

Фигура выглядела не выдуманной.

Так мог бы выглядеть рисунок животного, сделанный человеком, который видел его много раз и не считал нужным объяснять, что именно изображает.

Глен отвернулся.

— Если стоишь хоть чего-нибудь, узнаем.

Он снова накрыл табличку.

Кто-то окликнул его с причала:

— Капитан!

Глен поднял голову.

— Иду!

Он оставил находку и вернулся к работе.

К вечеру порт почти полностью уничтожил следы утреннего происшествия.

Кровь смыли водой.

Разорванную перчатку выбросили.

Канаты легли на свои места.

Груз ушёл.

Часть экипажа разъехалась.

Если бы спустя несколько часов сюда пришло нечто, никогда прежде не видевшее людей и не знавшее, что произошло утром, оно едва ли смогло бы догадаться, что совсем недавно между стальным бортом и бетонным причалом была раздроблена человеческая кисть.

Кровь исчезла.

Мокрые тряпки убрали.

Канаты вернули на место.

Порт поглотил случившееся почти без остатка.

Глен всегда находил в этом что-то одновременно правильное и неприятное.

Работа должна продолжаться.

Но именно поэтому человеческие события исчезают слишком быстро.

Когда пришло время унести табличку с судна, Глен машинально оглянулся в поисках кого-нибудь из матросов.

Вчера, сразу после подъёма со дна, двое мужчин с трудом смогли её приподнять.

Теперь он всё же решил попробовать сам.

Присел, взялся за края, приготовился к прежней тяжести и поднял.

Табличка оказалась заметно легче.

Не лёгкой — руки сразу почувствовали вес, — но уже такой, которую один взрослый мужчина мог нести без посторонней помощи.

Глен остановился и посмотрел на очищенную поверхность.

За обратный путь с находки смыли и счистили большую часть серого ила, раковин и плотного донного налёта. На палубе после неё осталась целая куча грязи и наростов.

Вот и объяснение.

Он перехватил табличку удобнее.

— Налёт, — сказал Глен самому себе.

И понёс её дальше.

Он перенёс табличку в маленький портовый кабинет.

Комната находилась в старом административном здании возле складов и за многие годы почти не изменилась: два стула, металлический шкаф, небольшая раковина, узкое окно, выходившее на гавань, старый календарь на стене, настольная лампа с жёлтым абажуром и тяжёлый рабочий стол, который, судя по его состоянию, успел пережить не одного капитана.

Глен снял мокрую куртку.

Повесил её на спинку стула.

С рукава сразу закапала вода.

Он сел и некоторое время просто смотрел на старый стол.

Дерево местами почернело от времени и сырости, металлические накладки по краям кое-где поржавели, а сама поверхность была исцёркана гвоздями, ножами и какими-то железными предметами, которые годами бросали, двигали и волокли по ней. В нескольких местах остались глубокие борозды, происхождение которых Глен уже не помнил, а у самого края кто-то когда-то прожёг круглое тёмное пятно, скорее всего сигаретой.

Перед ним лежали бумаги.

Рейс требовалось закрыть.

Глен взял короткий погрызенный карандаш, деревянный корпус которого возле тупого конца был покрыт мелкими вмятинами от зубов, и начал считать.

Топливо.

Улов.

Оплата команды.

Порт.

Ремонт.

Другие расходы.

Он получил сумму.

Нахмурился.

Пересчитал.

Результат почти не изменился.

Третий раз считать не стал.

Глен отложил погрызенный карандаш.

На стене напротив висела старая, потрёпанная фотография. Её края загибались наружу, по поверхности проходило несколько тонких заломов, а один угол был смят и пожелтел сильнее остальных.

На снимке жена сидела возле моря.

Дочь стояла рядом.

Девочка смотрела прямо в объектив.

Жена — на неё.

Глен помнил тот день не целиком.

Память вообще странно обращалась с прошлым: могла почти полностью потерять месяц, но оставить запах мокрой древесины, вкус дешёвого кофе или сахар на пальцах ребёнка.

Он помнил ветер, который постоянно бросал жене волосы

на лицо.

Помнил, как дочь попросила купить у какого-то продавца дешёвую игрушку.

Он отказал.

Через несколько минут всё равно купил.

Что именно это было, теперь вспомнить не мог.

На фотографии девочка держала что-то возле груди.

Глен иногда пытался рассмотреть.

Каждый раз взгляд уходил к лицу.

Сегодня особенно быстро.

Вода у причала.

Светлые фигуры.

Поворот головы.

Дочь.

Глен отвёл глаза.

Он почти не спал несколько суток.

Уставший мозг способен собрать знакомое лицо из нескольких пятен света.

Ничего больше.

Телефон зазвонил.

Глен вздрогнул.

Номер незнакомый.

— Да.

— Капитан Глен?

— Да.

— Больница. По поводу вашего сотрудника.

Он выпрямился.

— Как рука?

Женщина говорила спокойно.

Множественные переломы.

Раздробление нескольких костей.

Повреждение мягких тканей.

Нарушение кровоснабжения.

Готовят к операции.

— Кисть сохраняют?

Короткая пауза.

— Врачи сделают всё возможное.

— Это не ответ.

— Сейчас никто не сможет дать вам гарантии.

Глен провёл рукой по лицу.

— Понял.

— Семья уведомлена.

— Хорошо.

— После операции вам сообщат.

Он положил телефон.

Некоторое время смотрел на старый, исцарапанный стол,
затем перевёл взгляд к шкафу.

Там лежала табличка.

Глен встал.

Подошёл.

Откинул ткань.

Поверхность почти высохла.

Он приложил ладонь.

Холодная.

В кабинете тоже было прохладно.

Сырость.

Старые стены.

Ничего удивительного.

Он перенёс находку на стол и повернул лампу.

Под жёлтым светом зелёный оттенок стал заметнее.

Материал оставался непонятным.

Если камень — некоторые участки слишком гладкие.

Если металл — на нём почти нет того, что Глен ожидал увидеть после долгого пребывания в морской воде.

На сколоте угла цвет уходил внутрь материала.

Он провёл ногтем.

Ничего не снялось.

Глен повернул лампу.

Боковой свет лёг на символы.

Сначала ничего не изменилось.

Потом несколько линий вдруг показались значительно глубже, чем были секунду назад, словно борозды не заканчивались на поверхности, а продолжались где-то внутри таблички — дальше, чем позволяла её собственная толщина, в направлении, которое глаз видел, но разум никак не мог совместить с толщиной лежащего перед ним предмета.

Глен наклонился.

Обычные углубления.

Он изменил угол света.

Эффект исчез.

— Устал.

Сказал вслух.

Центральная фигура выглядела отчётливее.

Глен рассматривал её по частям.

Так было проще.

Линия.

Отросток.

Широкая верхняя часть.

Тёмные точки.

Но стоило собрать всё изображение вместе, возникало неприятное ощущение, будто пропорции фигуры подчиняются какой-то другой, но вполне законченной логике.

Не случайный набор линий.

Не фантазия.

Глену опять пришла мысль, что неизвестный мастер просто изображал знакомое ему существо.

Он отвернулся.

На потрёпанной фотографии жена и дочь оставались такими же, как всегда.

Табличка.

Море.

Травма.

Фотография.

Глен вдруг понял, что мысленно начинает связывать то,

что связывать не нужно.

Это раздражало.

Он завернул табличку.

Убрал со стола.

Поставил возле шкафа.

— Завтра разберёмся.

Выключил лампу.

Вышел.

Закрыл дверь.

Прошёл несколько шагов.

Остановился.

Вернулся.

Снова открыл.

Включил свет.

Табличка лежала там же.

Разумеется.

Глен некоторое время смотрел на неё.

Потом тихо усмехнулся.

— Отлично.

Выключил свет и запер кабинет.

Дом встретил его тишиной.

После нескольких суток на траулере она всегда ощущалась особенно сильно. На судне постоянно что-нибудь работало: двигатель, насос, вентиляция, холодильная установка. Даже ночью человек находился внутри механизма, который

никогда полностью не замолкал.

Здесь холодильник включался лишь ненадолго.

В трубах иногда щёлкала вода.

Где-то проезжала машина.

А между этими звуками существовала настоящая тишина.

Глен закрыл дверь и первым делом снял старые, уже многое повидавшие ботинки, тяжёлые от сырости, с потёртой кожей, засохшими соляными разводами по краям подошв и мелкими трещинами на сгибах.

Под ними оказались сырые носки, к тому же разные: один тёмно-серый, другой когда-то был почти чёрным, но после множества стирок выцвел до неопределённого цвета. На большом пальце одного из них зияла небольшая дырка, через которую виднелась побелевшая от сырости кожа.

Глен несколько секунд посмотрел на всё это, пошевелил пальцем и только потом стянул носки.

— Великолепно.

Носки полетели рядом с ботинками.

Он прошёл на кухню.

Открыл холодильник.

Некоторое время смотрел внутрь, не понимая, чего хочет.

Потом достал еду, которую можно было быстро разогреть.

Ел стоя, опираясь бедром на стол.

Вкуса почти не чувствовал.

Телефон лежал рядом.

Он ждал звонка из больницы.

После еды выпил воды.

Потом ещё.

Во рту всё равно оставался слабый солёный привкус.

Перед сном Глен сам позвонил в больницу.

Операция ещё шла.

Больше ничего нового.

Он лёг.

Туман дошёл даже сюда.

За окном уличный фонарь превратился в мутное жёлтое пятно, а дальний конец улицы исчезал уже через несколько домов.

Он закрыл шторы.

Лёг на спину.

Сначала думал о деньгах.

Это даже успокаивало.

Цифры были неприятными, но понятными.

Потом вспомнил матроса.

Раздробленную кисть.

Слёзы на обветренном лице.

Другого матроса с монетой Николая Чудотворца.

«Выкинь этот ужас, от неё одни беды».

Глен повернулся на бок.

Фраза раздражала тем, что после неё события слишком легко выстраивались в ряд.

Табличка.

Её странная тяжесть.

Пустой улов.

Птицы.

Гул.

Дочь в воде.

Раздробленная рука.

Он открыл глаза.

Человеческий мозг умеет найти порядок в любом наборе случайностей.

На этом построены все приметы.

Если после дурного знака случается плохое — человек zapomинает.

Если не происходит ничего — забывает.

Вот и всё.

Он снова закрыл глаза.

Сон пришёл незаметно.

Глен не помнил, как оказался в городе.

Не было ни дороги, ни момента перехода, ни ощущения, что он куда-то вошёл. В какой-то миг существовала спальня, тёмный потолок и едва слышный шум дома, а в следующий он уже стоял на широкой каменной поверхности среди сооружений, которым человеческое слово «город» подходило только потому, что ничего другого его разум подобрать не мог.

Под ногами лежал тёмный камень.

Мокрый.

Не покрытый отдельными лужами, а словно постоянно выделяющий влагу изнутри. Тонкая блестящая плёнка лежала на поверхности и отражала слабое зеленовато-серое свечение, источник которого Глен определить не мог.

Солнца не было.

Луны тоже.

Никаких ламп.

Никакого огня.

И всё же он видел.

Высоко наверху начиналась густая зеленовато-чёрная мгла, в которую уходили вершины громадных сооружений.

Сначала Глен решил, что вокруг ночь.

Потом понял, что ночь здесь ни при чём.

По обе стороны от него поднимались каменные массы таких размеров, что привычное представление о здании быстро теряло смысл. У них имелись плоскости, которые можно было принять за стены, но не было ничего похожего на человеческие окна, обычные двери или этажи; некоторые проёмы начинались слишком высоко, другие были настолько широкими, что в них мог бы пройти целый корабль, а третьи при одном взгляде казались углублениями, а при следующем превращались в выступы.

Глен не мог понять, ошибается ли глаз или сами поверхности построены так, что человеческому мозгу не хватает привычки их воспринимать.

Одно сооружение казалось сплошной стеной, уходящей

вверх настолько далеко, что верхняя часть терялась в темноте.

Глен посмотрел на неё.

Сделал несколько шагов.

И вдруг увидел ту же громадину сверху.

Он остановился.

Перед ним лежала огромная плоскость, словно крыша находилась далеко внизу.

Глен машинально посмотрел под ноги.

Он снова стоял у основания стены.

Никакой высоты.

Никакого обрыва.

Только мокрый камень.

Он поднял голову.

Стена опять уходила вверх.

Глен закрыл глаза.

Открыл.

Ничего не изменилось.

По поверхности сооружений медленно стекала вода, собиралась в глубоких бороздах и исчезала в щелях настолько тёмных, что в них не отражался даже слабый свет этого места.

Здесь вообще всё выглядело мокрым.

Камень.

Пол.

Воздух.

Даже тьма будто имела влажность.

Глен пошёл вперёд.

Шаги не давали нормального эха.

Иногда звук ботинка возвращался сразу.

Иногда через несколько секунд.

Один раз стук пришёл откуда-то сверху, и Глен остановился, пытаюсь понять, кто мог идти над ним, если никакого потолка там не было.

Ничего.

Только низкий гул.

Не звук даже.

Скорее давление.

Очень далеко.

И одновременно где-то под ногами.

Первая волна прошла через камень.

Глен почувствовал её в ступнях.

Потом в коленях.

Потом в зубах.

Гул исчез.

Глен посмотрел вперёд.

И понял, что проход изменился.

Минуту назад дорога уходила между двумя громадными стенами вправо.

Теперь она находилась прямо перед ним.

Стены не двигались.

Он был уверен.

И всё же их расположение стало другим.

Глен медленно обернулся.

Дороги, по которой он пришёл, не было.

За спиной поднималась каменная плоскость.

Он подошёл к ней.

Протянул руку.

Поверхность оказалась ледяной.

На ней имелись углубления.

Не буквы.

Не рисунки.

Повторяющиеся формы, слишком крупные для письма и слишком правильные для естественных трещин.

Некоторые линии входили одна под другую таким образом, что глаз не мог понять, какая находится сверху.

Глен провёл пальцами.

Камень был гладким.

Борозды глубокими.

На мгновение ему показалось, что рисунок продолжается внутри стены, будто изображение вырезано не на поверхности, а проходит сквозь весь массив.

Он отдёргнул руку.

Гул пришёл снова.

Город изменился.

Теперь справа открывалось пространство такой ширины, что его можно было принять за площадь.

Или за высохшее дно огромного бассейна.

По противоположной стороне поднимались три вертикальные громады.

Сначала Глен решил, что это башни.

Потом — что скалы.

Но скалы не должны соединяться ровными перемычками на такой высоте.

Расстояние невозможно было определить.

Они могли находиться в сотне метров.

Или в нескольких километрах.

Вокруг не существовало ничего человеческого размера, с чем можно было бы сравнить масштаб.

Глен пошёл к ним.

После нескольких шагов одна из громад вдруг оказалась почти рядом.

Он остановился.

Протянул руку.

До камня оставалось не больше метра.

Моргнул.

Теперь между ним и сооружением снова лежала громадная площадь.

Глен почувствовал страх.

Не тот простой животный страх, который возникает перед штормом или аварией.

Другой.

Страх человека, который впервые понимает, что привычные правила пространства могут быть не обязательными.

Он повернулся.

За спиной появились ступени.

Громадные.

Каждая выше человеческого колена.

Они уходили вверх, но верхний край почему-то находился ниже основания.

Глен несколько секунд пытался понять, что именно видит.

Не смог.

Отвёл взгляд.

Где-то впереди появилось движение.

Маленькие светлые фигуры.

Сначала он решил, что это рыба.

Мысль показалась нормальной, хотя он стоял на камне и никакой воды вокруг не видел.

Потом фигуры стали людьми.

Детьми.

Они стояли рядом.

Держались за руки.

Глен остановился.

Один ребёнок.

Второй.

Третий.

Четвёртый.

Последняя фигура находилась немного в стороне.

Глен сразу знал, кто это.

Ещё до того, как увидел лицо.

Дочь.

Она стояла босиком на мокром камне.

На ней была одежда, которой Глен не мог вспомнить из реальной жизни, и одновременно казалось, что он видел её в этом сотни раз.

Она медленно повернула голову.

Те же волосы.

То же лицо.

Глаза закрыты.

Глен двинулся к ней.

Расстояние не сократилось.

Он пошёл быстрее.

Потом почти побежал.

Дети оставались там же.

В нескольких десятках метров.

Или в нескольких километрах.

Определить было невозможно.

Только теперь Глен заметил, насколько огромен город вокруг них.

Ближайшая каменная ступень была выше ребёнка.

Стена за детьми поднималась настолько далеко, что терялась во мраке.

В её основании находился чёрный проём.

Он был слишком широк для двери.

Слишком правильный для пещеры.

Изнутри не выходил свет.

Только гул.

Дочь подняла голову.

Её глаза оставались закрытыми.

Глен попытался крикнуть её имя.

Голос не появился.

Он попробовал ещё раз.

Ничего.

Девочка открыла рот.

И город ответил вместо неё.

Низкая вибрация прошла через мокрый камень, через ноги Глена, живот, грудь и зубы.

На мгновение все громадные поверхности вокруг сместились относительно друг друга.

Там, где секунду назад была стена, открылась бездонная улица.

Там, где находился проход, поднялась вертикальная плоскость.

Ступени оказались потолком.

Площадь стала стеной.

Дети теперь стояли по другую сторону невозможного расстояния.

Глен шагнул к ним.

Камень под ногой вдруг оказался не полом.

Стеной.

Он начал падать.

Не вниз.

В сторону.

Потом вверх.

Потом направление перестало иметь значение.

Три громадные тёмные формы поднялись вокруг него.

Где-то далеко дочь по-прежнему стояла с закрытыми глазами.

Глен падал к ней и одновременно удалялся.

Гул усиливался.

Последнее, что он увидел, — огромное каменное пространство, которое по всем человеческим законам должно было быть улицей, но в следующий момент оказалось вертикальным провалом.

Глен проснулся.

Сел настолько резко, что плечом ударился о стену.

Комната.

Кровать.

Шторы.

Дом.

Он тяжело дышал.

Лицо было мокрым.

Глен провёл рукой по лбу.

Пот.

Часы показывали три сорок семь.

Он встал.

Пошёл на кухню.

Налил воду.

Выпил.

Поставил стакан.

И слышал гул.

Замер.

Низкий.

Ровный.

Знакомый.

Через несколько секунд щёлкнуло реле.

Гул исчез.

Холодильник.

Глен смотрел на него.

Потом тихо выругался.

— Замечательно.

Он вернулся в спальню.

Заснул только под утро.

Телефон разбудил его в семь двадцать.

Глен несколько секунд искал аппарат рукой по кровати.

— Да.

— Капитан Глен?

Мужской голос.

— Да.

— По поводу вашего сотрудника. Операция завершена.

Глен сел.

Первый вопрос вышел сам.

— Руку сохранили?

На другом конце возникла пауза.

Не длинная.

Но достаточная.

— Нет. К сожалению, кисть спасти не удалось.

Глен ничего не сказал.

— Повреждение было слишком тяжёлым. Кровоснабжение восстановить не удалось. Врачи сделали всё возможное.

Глен смотрел на собственную руку.

На жёсткие пальцы.

Старые шрамы.

Костяшки.

Ещё вчера у того матроса была такая же рабочая рука.

Ею он тянул канаты.

Держался за поручни.

Ел.

Курил.

Застёгивал куртку.

Теперь её не было.

— Где... — Глен кашлянул. — Насколько?

Мужчина объяснил.

Глен слушал.

Часть слов прошла мимо.

Главное уже было сказано.

Руку не сохранили.

— Понял.

— Состояние стабильное.

— Семья рядом?

— Да.

— Хорошо.

После разговора Глен ещё некоторое время сидел на краю кровати.

Телефон лежал в руке.

Он смотрел перед собой.

Вспомнил матроса на палубе.

Слёзы на обветренном лице.

«Отрежут?»

Глен тогда не ответил.

Теперь ответ был известен.

Он поднялся и прошёл в ванную.

Открыл кран над старой раковиной. Белая эмаль во многих местах растрескалась тонкой серой сеткой, возле сливного отверстия проступало тёмное пятно, которое уже ничем не отмывалось, а на одном краю имелся небольшой скол, открывавший тёмный металл под эмалью.

Глен набрал холодную воду в ладони и несколько раз плеснул себе в лицо.

Поднял голову.

В зеркале на него смотрел человек с красными глазами, серой кожей и щетиной, будто за ночь она выросла сразу на несколько дней.

Он снова умылся.

Сон уже начинал терять силу.

Так всегда происходило с кошмарами.

Глен вытер лицо.

Он почти поверил собственному объяснению.

Почти.

На улице шёл мелкий холодный дождь, настолько тонкий, что временами его трудно было отличить от тумана.

По дороге к порту Глен зашёл за кофе.

Внутри было тепло, пахло выпечкой и молоком.

Кофе подали в бумажном стакане.

Глен расплатился.

Уже выходя на улицу, он столкнулся в дверях с каким-то мужчиной, который одновременно пытался войти.

Плечи ударились.

Стакан дёрнулся в руке.

Крышка приподнялась, и почти половина кофе выплеснулась на тротуар, растеклась тёмным пятном между камнями и сразу смешалась с дождевой водой.

— Извините, — быстро сказал мужчина.

— Ничего.

Тот уже собирался пройти внутрь, но вдруг посмотрел через плечо на улицу.

На туман.

Постоял секунду.

— Станный сегодня день.

Глен поднял глаза.

— В каком смысле?

Мужчина пожал плечами.

— Не знаю. С утра всё какое-то... тихое.

Он снова посмотрел в сторону порта.

— Я бы сегодня в море не выходил.

— Почему?

— Да кто его знает.

Мужчина усмехнулся, словно сам понял, насколько глупо это прозвучало.

— Просто ощущение.

Он открыл дверь кофейни.

Перед тем как войти, добавил:

— Когда море молчит, лучше его не трогать.

Дверь закрылась.

Глен несколько секунд смотрел ему вслед.

Потом наполовину пустой стакан.

И пошёл дальше.

Когда Глен пришёл в порт, первым делом посмотрел на место у борта, где вчера сидел раненый.

Палуба была чистой.

Кровь отмыли.

Лишь небольшой участок металла выглядел светлее остальных.

Он задержал взгляд.

Руки больше не было.

А здесь ничего не изменилось.

Глен пошёл к кабинету.

У двери его уже ждал Кленк.

Капюшон был влажным, на плечах блестели мелкие капли.

— Давно?

— Минут десять.

Глен открыл кабинет.

— Заходи.

Внутри пахло сырой одеждой, бумагой и старым деревом.

Кленк остался у двери, пока Глен открыл ящик стола, достал приготовленные деньги и пересчитал их ещё раз.

Сегодня из команды пришёл только он.

Глен протянул деньги.

— За рейс.

Кленк пересчитал быстро.

— Всё?

— Всё.

— Спасибо.

Глен кивнул.

Кленк не уходил.

— Про него слышал? — спросил он наконец.

— Слышал. Кисть не спасли.

Кленк опустил глаза.

— Хреново.

— Хреново.

Потом Кленк перевёл взгляд к шкафу.

Туда, где лежала завёрнутая табличка.

— Ты всё-таки её оставил.

Глен проследил за его взглядом.

— Кленк.

— Я ничего.

— Вот и хорошо.

Кленк сунул деньги во внутренний карман.

Уже у двери задержался.

— Я вчера не шутил.

Глен встретил его взгляд.

— А я вчера тебя слышал.

Кленк кивнул.

И вышел.

Дверь закрылась.

Глен остался один.

Посмотрел на свёрток.

Потом взял его.

Даже через ткань чувствовалась стужа.

Старьёвщик возле рынка открывался рано.

Глен уже несколько раз имел с ним дело и каждый раз после разговора уходил с одним и тем же неприятным ощущением.

Был в этом человеке какой-то липкий способ смотреть одновременно на чужую вещь и на её владельца, словно он заранее прикидывал цену обоих.

Однажды Глен принёс ему старый корабельный компас. Старьёвщик почти четверть часа доказывал, что вещь никому не нужна, что механизм наверняка повреждён и что за подобный мусор он вообще делает одолжение, предлагая хоть какие-то деньги.

Через несколько дней Глен случайно увидел тот самый компас в витрине с ценником почти в десять раз выше.

Мерзкий человек.

Но в старых вещах разбирался.

А сейчас Глену требовался именно такой.

Если табличка чего-нибудь стоила, старик хотя бы поймёт, что это.

Если нет...

Глен вспомнил Кленка.

«Выкинь этот ужас, от неё одни беды».

Он взял свёрток и вышел.

Старый район начинался за рынком и каждый раз удивлял Глена тем, насколько быстро город мог измениться всего за несколько кварталов.

Широкие улицы становились теснее.

Современные фасады исчезали.

Дома придвигались друг к другу.

Асфальт уступал старой каменной мостовой.

Сегодня дождь сделал камни почти чёрными. Они блестели под ногами, как мокрая кожа, вода стояла в швах, а по

нижним частям домов тянулись тёмные полосы сырости.

Казалось, старые стены годами впитывали дождь и туман, как огромные каменные губки, только затем, чтобы при первой возможности выплеснуть накопленную влагу обратно на прохожих — каплями с карнизов, мокрой штукатуркой, холодным дыханием подворотен и внезапными ручейками, которые срывались сверху за шиворот человеку, имевшему несчастье пройти слишком близко.

Глен собирался подъехать почти к самой лавке.

Но на одном из перекрёстков, похоже, свернул не туда.

Только через пару минут вспомнил, что несколько месяцев назад здесь изменили схему движения и часть старых улиц сделали односторонними.

Он посмотрел на новый знак.

Потом на улицу, куда теперь нельзя было повернуть.

— Чёрт.

Возвращаться кругами через рынок не хотелось.

Глен проехал ещё немного и оставил машину примерно за два квартала до лавки возле стены старого дома.

Дальше пошёл пешком.

Свёрток был тяжёлым.

Но не так, как вчера на палубе.

Теперь это была обычная, понятная тяжесть плотного предмета — неприятная при долгой ходьбе, но уже не заставлявшая вспоминать двух матросов, которые едва подняли находку сразу после моря.

Глен снова подумал о счистившемся налёте.

Объяснение по-прежнему выглядело достаточным.

Через некоторое время он переложил свёрток в другую руку.

Первая просто устала.

Ничего серьёзного.

После нескольких суток холода и сырости он, видимо, ещё и простудил её: где-то от плеча к локтю неприятно подвывала тупая тянущая боль, не сильная, но достаточно назойливая, чтобы о ней вспоминать при каждом движении.

Он несколько раз сжал и разжал пальцы.

Пошёл дальше.

Из открытого подвального окна тянуло холодной землёй.

Над дверью одного дома находилась каменная человеческая голова, настолько разъеденная временем и дождём, что от лица почти ничего не осталось, кроме глубоких глазниц и части рта.

Глен прошёл мимо.

Через несколько шагов оглянулся.

Никого.

Только мокрая улица.

Туман у дальнего перекрёстка.

Он пошёл дальше.

Ощущение появилось почти сразу.

Очень простое.

И оттого неприятное.

Будто кто-то идёт сзади.

Не приближаясь.

Не отставая.

Всегда на одной и той же дистанции.

Глен снова обернулся.

Пусто.

Окна.

Двери.

Чёрные камни мостовой.

Никого.

Он продолжил путь.

На перекрёстке стояла женщина с тёмным зонтом и смотрела в закрытую витрину.

Глен прошёл мимо.

Через несколько шагов снова почувствовал взгляд на спине.

Обернулся.

Женщина всё ещё стояла возле витрины.

Только теперь её голова была повернута в его сторону.

Глен остановился.

Расстояние не позволяло разглядеть лицо — под зонтом оставалось лишь бледное пятно.

Несколько секунд они стояли неподвижно.

Потом женщина отвернулась к витрине.

Глен пошёл дальше.

У следующего угла он снова посмотрел назад.

Перекрёсток был пуст.

Женщины не было.

Она могла уйти.

Войти в подъезд.

Свернуть за угол.

Обычная улица.

Обычный человек.

Глен пошёл дальше.

Возле стены лежал мёртвый голубь.

Перья слиплись, образовав тёмный, почти чёрный комок, в котором уже с трудом угадывалась прежняя форма птицы, — и в этой бесформенности, в этом медленном превращении живого в бесформенную массу было что-то более неприятное, чем сама смерть: смерть имеет образ, а здесь образ уже начал распадаться.

Глен обошёл птицу.

Сделал несколько шагов.

Остановился.

Посмотрел назад.

Голубь лежал там же.

В той же позе.

С тем же поворотом слипшихся перьев.

Ничего необычного.

И всё же Глен задержал на нём взгляд.

На мгновение ему показалось, что птица лежит не случайно.

Не просто упала здесь и умерла.

А была оставлена именно так.

Для чего-то.

— Что за бред.

Глен поднял глаза и посмотрел вдоль улицы.

Никого.

Он пошёл быстрее.

Через минуту обернулся ещё раз.

Пусто.

У подвального окна — снова.

Никого.

Это уже начинало не столько пугать, сколько злить.

Он специально остановился и несколько секунд стоял неподвижно, прислушиваясь.

Если кто-то действительно идёт следом, сейчас выдаст себя шагами.

Ничего.

Только вода капала с карниза.

Раз.

Раз.

Раз.

Глен продолжил путь.

Через двадцать метров снова возникло то же ощущение — не звук и не движение, а почти физическая уверенность, что кто-то смотрит ему в затылок.

Он резко обернулся.

Пусто.

На секунду ему показалось, что у дальнего угла дома что-то тёмное ушло за стену.

Глен постоял.

Ничего не появилось.

Лавка находилась на узкой улице, где даже в ясную погоду было мало света.

Витрина была почти полностью заставлена вещами.

Старые часы.

Фотоаппараты.

Подсвечники.

Посуда.

Фарфоровые фигурки.

Пожелтевшие фотографии.

Модель корабля с обломанной мачтой.

Набор старых монет.

Выцветшая вывеска висела над дверью.

Глен в последний раз посмотрел назад.

Улица оставалась пустой.

— Вот и отлично.

Он взялся за ручку.

Потянул.

Дверь не открылась.

Внутри горел свет.

На стекле висела табличка «ОТКРЫТО».

Он потянул сильнее.

Дерево только заскрипело.

Разбухло от сырости.

— Ну давай.

Глен упёрся ногой в порог и дёрнул.

Дверь внезапно подалась.

Он едва удержал равновесие.

Колокольчик над головой звякнул слишком громко.

Внутри стоял тяжёлый, застарелый смрад, в котором смешались сырость, старая ткань, прогнившее дерево, металл, пыль и что-то ещё — затхлое, сладковатое и неприятно тёплое, словно воздух здесь годами не менялся и впитал запах всех вещей, когда-либо принесённых в лавку.

Даже Глен, привыкший к вони трюмов, рыбе, дизелю и собственной непроветренной комнате после долгих рейсов, невольно поморщился.

Здесь пахло хуже.

Он прикрыл дверь.

Она снова с трудом вошла в разбухшую коробку.

Первое, что он услышал после закрывшейся двери, — ча-сы.

Их было слишком много.

На стенах.

На полках.

За стеклом.

На шкафах.

Настольные.

Карманные.

Большие напольные.

Одни тикали быстро.

Другие медленно.

Несколько маятников качались каждый в своём ритме.

Глен посмотрел на ближайший циферблат.

Без пяти десять.

На втором было почти половина одиннадцатого.

Третьи показывали время ближе к девяти.

Он достал телефон.

Десять двенадцать.

Ни одни часы рядом не совпадали.

Через некоторое время их отдельные механизмы смешались в сухой многослойный шорох.

Глен вспомнил судовые сирены.

Два обычных звука.

Один странный результат.

— Есть кто?

Из глубины лавки донёсся сухой кашель.

Долгий.

Потом голос:

— Иду.

Глен подошёл к прилавку.

Положил свёрток.

Мокрый брезент оставил на дереве тёмный след.

Старьёвщик всё не появлялся.

Глен оглядел предметы вокруг.

Старый компас.

Потемневшие ложки.

Фотоаппарат.

Пожелтевшая фотография мужчины в военной форме.

Деревянная шкатулка.

Медная фигурка человека с отломанной рукой.

Глен задержал на ней взгляд.

Слишком долго.

Отвернулся.

Под стеклом лежал набор старых монет — разных размеров, цветов и степени потёртости.

Никаких причин рассматривать их у него не было.

Он скользнул по ним взглядом.

Потом посмотрел на сам прилавок.

Старый рабочий стол под стеклянной витриной местами был потемневшим от времени, металлические части по краям покрылись ржавчиной, а открытая деревянная поверхность была исцёркана гвоздями, ножами, отвёртками и десятками неизвестных железных предметов, которые годами бросали, двигали, роняли и волокли по ней. Некоторые царапины пересекались настолько часто, что образовывали собственный рисунок, похожий на беспорядочную карту улиц.

Глен развернул брезент.

Сначала показался отбитый угол.

Потом тёмно-зелёная поверхность.

Линии.

Знаки.

Центральная фигура.

Жёлтый свет лампы лёг сбоку.

Глен машинально повернул табличку так, чтобы изображение не было обращено прямо к нему.

Он тут же заметил собственное движение.

Остановился.

С раздражением вернул предмет обратно.

Из глубины магазина снова донёсся кашель.

Потом шаги.

Старьёвщик появился из-за высокой полки.

Сутулый.

В тёмном жилете поверх старой рубашки, ворот которой истёрся настолько, что ткань по краю уже начала расползаться на отдельные волокна, торчащие тонкими светлыми нитями. Рубашку он явно носил много лет, и именно ворот выдавал её возраст лучше любых пятен или складок.

Глен посмотрел на его лицо.

Воспоминания сразу вернули прежнее раздражение.

Да.

Всё тот же мерзкий старик.

Тот же взгляд.

Словно человек ещё ничего не сказал, а уже пытается решить, где тебя обмануть.

Одну руку старьёвщик держал немного ближе к груди.

Она выглядела почти высохшей.

Тонкие пальцы были искривлены, кожа туго облежала суставы и кости, а сама кисть напоминала несколько старых корявых корней, которые долго пролежали на солнце после того, как дерево вырвали из земли.

Казалось, если такую руку сильно сжать, она не согнётся, а сухо треснет.

Вторая рука выглядела обычнее, хотя ногти были желтоватыми, а пальцы — слишком тонкими.

Старьёвщик шёл к прилавку и, кажется, собирался что-то сказать.

Потом увидел табличку.

Остановился.

Кашель прекратился.

Глен заметил, как изменилось его лицо.

Совсем немного.

Но достаточно.

Старьёвщик посмотрел сначала на сколотый угол.

Потом на символы.

Затем на фигуру в центре.

Подошёл ещё ближе.

Не прикоснулся.

Его почти высохшая рука повисла над краем прилавка, похожая на старый корень, который каким-то образом тянется к воде.

Глен молчал.

Вокруг продолжали тикать часы.

Каждые в своём времени.

Старьёвщик наклонился ниже.

Его взгляд медленно прошёл по всей поверхности таблички, — и в этой неторопливой, почти ритуальной внимательности было что-то неправильное: он не рассматривал находку так, как рассматривают совершенно незнакомую вещь, не искал, с чего начать, а задерживался именно там, где, казалось, уже заранее ожидал увидеть что-то важное.

Глен смотрел на него.

Старик не спросил, что это.

Не спросил, откуда она.

По крайней мере, пока.

И на несколько секунд Глену показалось, что причина очень проста.

Старьёвщик узнал табличку.

Потом старик поднял глаза.

И только тогда Глен понял, что впервые за всё утро исчезло ощущение чужого взгляда за спиной.

Теперь никто не смотрел вслед.

Смотрели прямо на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.